

ИЗЪ ОБЛАСТИ КИРГИЗСКИХЪ ВЪРОВАНИЙ.

II¹⁾.

Д ж и н н ы.

Предисловие.

Къ эпохѣ Мухаммеда языческіе арабы уже признавали одного бога—Аллаха, но сверхъ того сохраняли въ полной силѣ вѣрованіе въ джинновъ. Пустыни и горы полны существами этого рода.

Дози (въ *Essai sur l'histoire de l'islamisme*. Leyde, 1879, p. 5) психологически такъ объясняетъ представленіе арабовъ о джинахъ: „Голодъ, жажда, чистый и свѣжій воздухъ пустыни до того возбуждаютъ умъ, атмосферная испаренія и рефракція до того вызываютъ страшны, что человѣку кажется, будто онъ слышитъ крики джинновъ и видитъ ихъ въ самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формахъ“.

По арабскому представленію, джинны образуютъ особую породу, вродѣ нашей, и продолжаютъ свой родъ, какъ и люди, но тѣла ихъ не такія: они составлены изъ огня или воздуха и бываютъ видны человѣческому глазу только въ исключительныхъ случаяхъ. Джинны смертны: завязка одной изъ сказокъ въ „1001 ночи“ состоитъ въ томъ, что проѣзжій купецъ,бросая въ сторону финиковыя косточки, нечаянно убилъ молодого джинна. Джинны могутъ дѣлать и много добра, и много зла,—потому-то, по представленію древнихъ арабовъ, приходится ихъ умилостивлять; это и не трудно, такъ-какъ у каждого изъ этихъ существъ есть определенное жилище: джинны обитаютъ въ камняхъ, деревьяхъ, идолахъ. Современникъ Мухаммеда, Абу-Реджѣ эль-Отариди, говоритъ: „Когда мы находили красный камень, мы ему поклонялись. Если же и камня нельзя было встрѣтить, то мы нагромождали кучу песку, возводили наверхъ верблюдицу и выдавали ея

1) См. „Этнограф. Обозр.“, кн. XI.

молоко на песокъ, послѣ чего мы чтили этотъ бугорокъ во все время нашего пребыванія тамъ".

Каждое арабское племя имѣло собственнаго джинна и чтило его при посредствѣ жрецовъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, были и предсказателями-гадателями („кагинѣ"). Обращались арабы съ своими божками крайне фамильярно: въ случаѣ неудачъ, непріятныхъ предсказаній и т. п. ихъ били камнями, пускали въ нихъ стрѣлы, брали; сдѣлавши обѣтъ, старались отъ него уклониться посредствомъ различныхъ ухищрений; у арабовъ племени Бени-Хенифе идолъ былъ изъ финикового тѣста, — во время голода они его сѣтили. Какъ ни фамильярно было обращеніе съ мелкими божествами, всетаки имъ молились, вмѣ приносили жертвы; Аллахъ же считался щѣйкомъ божествъ и ихъ отцомъ, но его почти не чтили.

Вопросъ: къ какой стадіи религіознаго развитія нужно отнести эту религію? Въ какомъ отношеніи между собой находится вѣра въ единаго бога Аллаха и вѣра въ джинновъ?

Ренанъ въ своей „Histoire g  n  rale des langues s  mitiques“ утверждалъ, что семиты сразу начали съ единобожія, такъ-какъ ихъ склоняло къ такому представлению о Богѣ однообразіе пустыни. Противъ этого мнѣнія было сдѣлано много основательныхъ возраженій, да и самъ Ренанъ впослѣдствіи умѣрилъ свой взглядъ.

Основываясь на авторитетѣ большинства историковъ, можно утверждать, что кульпъ единаго бога-Аллаха у доисламскихъ арабовъ есть фактъ позднѣйшій; находить даже, что онъ развился не самостоятельно, а подъ вліяніемъ іудейства и христианства. Совсѣмъ иное нужно сказать о почитаніи духовъ, джинновъ. Авторитетные семитологи признаютъ, что народы семитскаго племени имѣли моментъ этническаго единства въ съверной или центральной Аравіи (см. Schrader: Die Abstammung der Chald  er und die Ursitze der Semiten, въ „Zeitschr. der Deutsch. Mogr. Gesellsch.“. 1873), и что хорошо извѣстная намъ религія домусульманскихъ арабовъ сохранила въ своей чистотѣ главныя черты религіи общесемитской.

Итакъ, вѣра арабовъ въ джинновъ (которая, замѣтимъ, удержалась и до сихъ поръ, благодаря Мохаммеду) есть явленіе несомнѣнно древнее, оригинальное, ниоткуда не заимствованное: арабы временъ Мохаммеда едва вышли изъ периода анимистического полидемонизма.

По вопросу объ арабскихъ джиннахъ существуетъ довольно богатая литература; лучшими сочиненіями остаются: A. Sprenger— Das Leben und die Lehre des Mohammed. Berlin 1861—65, T. I, и L. Krehl—Ueber die Religion der vorislamischen Araber. Lpz. 1863.

А. Крымскій.